

IX

ЕВРЕЙСКИЙ ЛЕГИОН. ГАЛЛИПОЛИ

Еврейский отряд для завоевания Палестины. Был ли Трумпельдор инициатором отряда? — Нет. Был ли он его главным организатором? Тоже нет. Он стоял лишь во главе его.

Доходившие в то время к нам вести из Палестины содержали в себе весьма мало утешительного. Крепко-спаянные и организованные еврейская интеллигенция и рабочие, насильно изгнанные из Палестины, прилагали большие усилия в борьбе с воцарившейся в Палестине нищетой. Но они ничего не в состоянии были сделать, чтобы бороться с воцарившимся там гнетом политическим. Политическое положение еврейского населения Палестины было тяжелое. И палестинцы, покинувшие страну по принуждению, считали, что совершат большое моральное преступление, если не подадут руку помощи своим братьям, оставшимся на своих постах. Новое

чувство, сложное и смутное, овладевало при получении тяжелых вестей о Палестине сердцами всех, кто вчера только жил в стране, кто своим трудом и потом оплодотворял ее ниву и «призывал на ее побеги дожди с благодатного неба». Это не было простое чувство горя. В глубине этого чувства таилось еще другое нечто, — жгучее, мучительное, нечто такое, от чего почти забывалась скорбь. И тогда В. Жаботинский бросил нам идею о еврейском легионе и открыл нам то, имени чего мы не знали. Идея о еврейском отряде не была совершенно нова для тех, кто взялся за ее осуществление. Мысль эта еще раньше зрела среди беженцев; то бывало она вспыхнет, как молния, то опять заглохнет на довольно продолжительное время. Она овладевала умами, но в разброд. Каждый сам про себя думал об этом, но не было общности в этих мыслях и планах. Одна группа, среди которой был и Трумпельдор, дебатировала, правда, этот вопрос сообща, но и у нее он стоял как-то не ясно, не конкретно. Все-же идея легиона смутно жила в сознании у всех, и неудивительно, поэтому, что лозунг, провозглашенный В. Жаботинским так определенно, ярко и цельно, упал на подготовленную почву

и дал всходы. Роль В. Жаботинского можно охарактеризовать его же словами: «Конечно, это не была заслуга (или вина) одного человека — это сделала жизнь, история, сила вещей. Но история находит иногда людей, рукам которых она доверяет свой посев». В то время жизнь, судьба Палестины задали нам задачу, и в раздумьи стали мы перед вопросом: решим ли мы ее, или нет? И пришел В. Жаботинский — и мы решили вопрос положительно.

В переживаемом в то время нами состоянии энтузиазма и порыва было нечто «маккавеевское». Всех нас воодушевляло одно видение, имя которому — родина. Нас воодушевляла одна воля, — мы желали победы Англии над Турцией. Мы считали наше дело потому глубоко важным, что верили, что после войны наступит более счастливый и справедливый период человеческой истории и что и наш народ не будет обойден при этом. И мы старались поэтому тоже принять участие в этой войне. Мы делали это с воодушевлением, мы шли на кровь, вместе с нашими союзниками-англичанами, увлекаемые их примером, так как мы были уверены, что боремся за правое дело и что в будущем наше дело увенчается успехом. Мы делали это для нашей страны и для нашего народа.

В жизни человека бывают моменты, светлые воспоминания о которых никогда не меркнут. Для пишущего эти строки таким моментом было то знаменательное время, когда юноши и пожилые, богатые и бедные, студенты и рабочие потянулись в наше вербовочное бюро записываться в добровольцы «еврейского легиона». Никогда не забуду этого момента. Не забуду волнения, испытанного мною при общении с этими людьми, которые приходили засвидетельствовать свое желание жертвовать своею жизнью ради народа. Всегда с чувством благоговения буду думать о них, ибо верю, что их желание было чисто, как чиста сама правда...

«Конституция» легиона, выработанная В. Жаботинским, была принята на первом организационном заседании 54-х и ими же подписана в виде торжественного обещания. Подпись Иосифа Трумпельдора была на третьем месте, — но не потому, чтобы он не заслужил или не пожелал стоять на первом, а потому, что первые две подписи принадлежали лицам, которые были старше и по возрасту, и по палестинской работе. Первым подписал «конституцию» давний житель Палестины, убеленный уже сединами, один из старых деятелей Палестинского движения — Глускин, а вторым —

В. Жаботинский. «Конституция» была краткая и гласила:

- א. נוסד בארצנו גרוד של מתנדבים עברים, אשר יעמיד את עצמו בהשות ממשלת אנגליה בכדי להשתתף בשחרור ארץ ישראל.
- ב. בראש הגרוד יעמוד שלטון, הממונה מאת הועד המיסד, מהמתנדבים יבחרו שלשה צירים להשתתף בשלטון.
- ג. כל מתנדב ישבע להקריב את פחו ואת חייו לשחרור ארץ ישראל, להכניע לשלטון ולכלי עוזב את הגרוד עד קץ פעולתו.
- ד. כל מתנדב יקבל מאת הועד המיסד מעון ומזון.

Во главе легиона, само собой понятно, стал Иосиф Трумпельдор. Он был прекрасный солдат, герой, презирающий смерть, готовый на самопожертвование ради своего народа. Но именно эти черты его — излишняя воинственность, при властолюбивом характере, повлекли за собой ряд серьезных ошибок и неумение наладить дело легиона так, как мы все себе первоначально представляли...

Ответственность его еще усугублялась тем, что он стал батальонным командиром, в чине капитана английской службы. Он должен был помнить, что дело «еврейских полков» так же ново, как новы на еврейской улице «трудовые артели», и он должен был поэтому относиться к этому делу сугубо осторожно, а этой-то осто-

рожности он и не проявил. Мы, солдаты и офицеры легиона, не чувствовали в нем реального начальника. Он представлял собою некое таинственное, мистическое, опоэтизированное существо, сросшееся со своим конем и мчащееся в неизвестную даль, не задумываясь ни на секунду над тем, что там впереди: неминуемая смерть или победные лавры.

Поистине можно сказать, что история легиона — это история И. Трумпельдора, и если были неудачи и ошибки у легиона, — то это ошибки и неудачи И. Трумпельдора. Он мнил, что легион — это он, он один. Несмотря, однако, на все ошибки и неудачи, он и легион заслуживают того, чтобы память о них жила в народе и не была забыта.

История Галлипольского отряда — это история сплошной неудачи. Правда, это была честная, благородная неудача, но все таки — неудача. События развивались медленно, и ошибка Трумпельдора заключалась в том, что он хотел искусственно ускорить события.

Действительность разбила многие надежды и планы Трумпельдора, раскрыла всю иллюзорность его попытки «через Галлиполи войти в родную страну». Его порыв был реально бесплоден, но это был порыв подлинного рыцаря. Он говорил: «За страну, в которой я был ора-

таем, в которой стремлюсь в будущем ковать счастье народа, стоит сражаться. Что такое человеческая жизнь? Ведь это ничто в сравнении с жизнью народа. Отчего же не пожертвовать жизнью ради родины. **מוב למות עז לזאת!**

Этим настроением Трумпельдор сумел заразить весь свой отряд. Стоя во главе легиона, он своей обаятельной личностью сумел увлечь за собою и мечтателя, и скромного «шойхета», и веселого гуляку, и угрюмого земледельца, ибо в тот момент они верили, что на земле все люди, все евреи — Трумпельдоры. И мне, одному из этих легионеров, радостно было знать и ощущать, что в кипящей толпе народа есть не один, кто верует в святые идеалы и подвиги. Нас была горсточка. Многие из нас пали. Но наше дело живет. Оно молнией ворвалось в нашу жизнь и все в ней зажгло и осветило. «У нас нет имущества для защиты, — выступим на защиту великой идеи», — такими словами звал нас за собою Трумпельдор. И мы пошли за ним, не задумываясь, как и он сам, над тем, что нас ждет впереди: смерть или слава.

Кто следил за практической деятельностью Трумпельдора в Галлипольском отряде, не мог не сознавать, что в практическом обращении с живым материалом он был положительно

беспомощен. Мысль о том, что надо «показать этим англичанам» еврейскую отвагу и «выдержать» у них какой-то «экзамен», повидимому, абсолютно завладела им: и он совершенно утерял то чутье, без которого и в менее ответственных делах трудно разобраться, не оступившись среди угрожающих противоречий.

С большой торжественностью прошла в легионе присяга. Капитан Трумпельдор в присутствии посторонней публики, Grand-Rabbin'a и полковника Петерсона, английского офицера, под ведением которого находился еврейский отряд, говорил legionерам: «Мы идем не в Палестину, но ради Палестины, и помните, ребята, что с томлением в душе и тревогой во взоре ожидаем мы первого боевого крещения. Оно придет, и я верю, что legionеры не дрогнут, ибо, добровольно наложив на себя великие тяготы войны, они должны радостно идти на служение народу, как идут на празднество». И он не ошибся. «За исключением одного — говорит полковник Петерсон в своей книге об этом легионе — все обнаружили удивительное спокойствие и самообладание во время высадки на Галлипольском полуострове. Они как будто совершенно не сознавали окружающей их опасности.»

Началась усиленная работа. Через не-

сколько дней легион выступил в лагерь. Не только солдаты были неопытны, но многим из начальствующих — офицерам и унтер-офицерам, — нужно было учиться, как надо командовать. С большим рвением занялись они всем этим; и всего после трехнедельной лагерной жизни отряд был отправлен на Галлиполи. Первая и вторая роты, во главе с полковником Петерсоном и Трумпельдором, ушли на одну позицию, а третья и четвертая роты — на другую. Первая и вторая роты вернулись «победоносно» из Галлиполи, а третья и четвертая не вернулись, — а их вернули... Сказалось отсутствие в их среде «капитана Трумпельдора».

* * *

1915 год был годом особой напряженной деятельности для Трумпельдора. Этот год был для него годом военных переживаний. Он, мирный пахарь, мечтатель, утопист, будущий организатор «Гехолуца» — воин. Ирония судьбы! Вегетарианец, толстовец, рыцарь труда, — он всю свою жизнь воюет, ставит на карту свою и чужие жизни. Не легко обошлось ему это; он страдал физически и морально. Две военные кампании проделал он: одну в 1904 году, в Порт Артуре, а другую в 1915 г., на

Галлиполи. Там — бесстрашный рядовой, здесь — бесстрашный капитан. Там воевал за чужой идеал, тут — за свой, сокровенный. Тогда он был юношей, теперь мужчина 34 лет. Тогда он лишь начинал давать победы, а теперь он был уже вполне зрелый и расцветший деятель и вождь. Ответственность тогда у него была лишь перед самим собою, а теперь — ответственность на нем была огромная. Между тем он, видимо, относился к этой ответственности легко и все ставил на себя. О, эта ответственность! Все хотелось понять, как мог он — умный, отзывчивый идейный — принять на себя ответственность за все те бедствия, которые он внес своим согласием предоставить еврейский легион, как вспомогательную силу англичанам в Галлиполи, стать Zion Mule Corps — вместо того, чтобы согласно первоначальным обещаниям, вести его в Палестину, для освобождения страны. Ведь скажи он: «Нет, мы в Галлиполи идти не можем и не должны», — не пошло бы 90% легионеров...

* * *

В конце лета 1915 г. я вынужден был покинуть Египет из-за болезни. До лета 1919 г. я с Трумпельдором не видался. За эти четыре года утекло много воды, многое изменилось.

Когда я увидел его после долгой разлуки в Крыму, я заметил, что он постарел, хотя бодрость и душевная молодость остались теми же, что и раньше. Та же обаятельность, то же настроение, та же вера в правду своего дела.

В Крым попал он из Петербурга, а туда приехал он из Лондона. В Лондон прибыл он из Египта после того, как лорд Киченер осудил Дарданельскую кампанию и английские войска были эвакуированы из Галлиполи. 1-я и 2-ая роты еврейского легиона также были эвакуированы и распущены. Еще незадолго до этого он приезжал из Галлиполи в Александрию с целью вербовать добровольцев для пополнения легиона, так как многие выбыли из строя. И вдруг вся затея оборвалась.

* * *

Трумпельдор не был солдатом по призванию, несмотря на свою «воинственность», он не был профессионалом военного дела. Душевно он был далек от него. Свою огромную силу воли, свою железную энергию он отдавал главным образом не для ратного дела. Солдатом он стал *volens nolens*; это было для него лишь средством, орудием для достижения основной задачи — мирного строительства.

Он звал к труду, к знанию, к культуре. Он верил, что умственный и физический труд равноценны. И мысль эту он кладет в основу созданной им трудовой организации «Гехолуц». На всем, что бы он ни делал, явственно отпечатлевается одна и та же мысль: только мирным трудом мы сможем возродить нашу старую родину. Он против убийства, против насилия и только за идеалы труда он всю свою жизнь боролся. Он прибегает к военным методам только как к средству, под влиянием необходимости. Самая смерть его на границах Палестины имеет символическое значение: пусть дипломаты и воины устанавливают какие угодно границы для нашей страны; действительные границы ее — там, где покоятся наши герои Трумпельдоры. Основываясь на их жертве, мы можем сказать словами В. Жаботинского: «Ничего, о горы Галилеи, Тель-Хай, Кефар-Гилеад, Хамара и Метула, нашими вы были, нашими и останетесь». Появятся другие Трумпельдоры, которые будут вас строить, жить в ваших строениях и охранять их. Первым Трумпельдор должен был умереть, чтобы смертью своей указать другим новый путь, путь возрождения, путь жизни, путь строительства.